

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Колчановой Юлии Сергеевны

«Жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. (по материалам оборонных заводов Западного Урала)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Современная отечественная историографическая ситуация при всем ее разнообразии и множественности возможностей для формирования и развития новых исследовательских направлений тем не менее демонстрирует устойчивость ряда базовых тенденций, которые сложились в постсоветские десятилетия. Поиск новых парадигм сочетается с сохранением и устойчивым воспроизводством тех подходов, которые характеризуются как традиционалистские. Более того, наблюдается своеобразный процесс адаптирования тех или иных новаций традиционализмом. Модернизационные подходы и модели зачастую механически заимствуются представителями формационного подхода при изучении исторических событий и явлений. В сложившихся условиях, оценивая ту или иную работу, весьма актуальным является установление в ней качественного аспекта, грани, разделяющей освоение от заимствования. В случае с представленной к защите диссертации Юлии Сергеевны Колчановой требуется дать оценку замыслу и воплощению исследования, которое представлено как новаторское, выполненное в рамках концептуальной модели подхода истории повседневности и микроисторического подхода к изучению жизненных миров представителей социально – профессиональной группы – советского инженерства периода 1930-х гг. (рукопись с. 3)

Актуальность диссертационной работы определяется тем, что автор справедливо констатирует (и в данном случае это обоснованно) необходимость смещения ракурса исследования советской эпохи, продолжая ее же сравнение, с макроскопического на микроскопический, с традиционного изучения социальных систем и институтов на проявления субъектности советского человека, дабы придать событиям человеческое измерение, осуществить переход от реконструкций т. н. Большого мира к воссозданию внутреннего мира людей, его населяющих. Другой, не менее важный посыл, сделанный автором, имеет отношение к сфере историографии тематики истории советских инженеров как социально-профессиональной группы. Диссертант полагает (и в данном случае это также справедливо), что существующая парадигма, покоящаяся на институциональном фундаменте, словно застыла и требует достаточно радикального обновления. Данная тематика имеет еще один важный аспект: переходные эпохи со значительными системными трансформациями, такие, как раннесоветская, нуждаются в многомерном и многоаспектном изучении проблематики преемственности и разрывов в базовых измерениях, в том числе в социокультурном и поколенческом, на что нацелена рецензируемая работа.

Степень обоснованности выполненной автором научной аналитики следует оценивать исходя из совокупности следующих условий: корректно сформулированной исследовательской программы, соответствия структуры работы данной программе, корреляции цели и задач с основными положениями работы, вынесенными на защиту, и выводами, изложенными в заключении. Рассмотрим далее, в какой мере эти условия реализованы диссертантом. В работе Ю. С. Колчановой исследовательская программа изложена в совокупности компонентов Введения (рукопись, с. 3-19). Следует констатировать ее связность и последовательность (впрочем здесь мог бы быть представлен и такой хотя и не обязательный, но важный аспект, как рабочая гипотеза). Уровень проработки отдельных сторон программы свидетельствует о том, что автор решил задачи освоения того предметного поля, на которое вступил. Проработаны методологические основания, выстроены инструментарий с точки зрения применяемых методов, понятийный аппарат, сформирована источниковая база, на основе которой диссертант реализует намеченную программу (рукопись, с. 13-17). В содержании этих компонентов присутствуют и некоторые спорные моменты, не влияющие, впрочем, сколь-либо существенным образом на качество самого исследования.

Цельность и завершенность диссертационной работы в решающей степени определяется логикой взаимосвязи между собой таких важнейших компонентов, как цель и задачи исследования, основные положения, сформулированные автором, и выводы по отдельным разделам и работе в целом. Напомним, что исходя из цели исследования (реконструкция жизненных миров советских инженеров новой генерации) сформулировано шесть задач, решение которых призвано раскрыть основную суть процессов социализации, адаптации и основ жизнедеятельности поколения инженеров уральских оборонных заводов периода первых пятилеток. Задачи задают структуру исследования. В ее основу положен принцип иерархии задач от общего (концептуальное поле, адаптирование понятийного аппарата для цели исследования) к особенному (структура и факторы, определявшие динамику повседневности инженерной корпорации) и далее к единичному (реконструкция трех индивидуальных жизненных траекторий) (автореферат, с. 11).

Первая глава задает границы, рамки дальнейшего исследования на эмпирической основе. Выше отмечалось, здесь заданы параметры научной рефлексии, от которой собственно и зависит качество и успех самой программы. Диссертант, на наш взгляд, вполне справился с ключевой задачей – осуществил освоение теоретико-методологического и инструментального пространства, обозначенного как раскрытие повседневности инженерной корпорации эпохи форсированной индустриализации – через обращение к практикам профессиональной и обыденной, бытовой жизнедеятельности. При этом автор акцентирует внимание на том, что речь идет не только о практиках как таковых, но и их принятии и освоении через менталитет, самосознание и адаптацию ценностей и норм т.н. Большого мира к миру внутреннему, субъектности инженеров (автореферат, с. 16). Органичным представляются и другие аспекты данного раздела работы (социальная генеалогия инженерства и отражение образов

специалистов в художественной литературе 1930-х гг.). Данная структура главы в целом выполняет роль свособразной матрицы, апробирование и наполнение которой эмпирикой происходит далее. В то же время ощущается некоторая незавершенность и ограничения, введенные автором для реализации замысла. Так, концепция повседневности включает в себя немало моделей и измерений, среди которых основная несущая конструкция «жизненный мир» не может не пересекаться и не взаимодействовать с другими направлениями / полями, в т. ч. такими, как адаптология, теория и история эмоций и др. Подраздел социальной генеалогии очевидно связан с концепциями социальной стратификации, социальной структуры. Образы инженеров нормативно формировались и находили отражение в различных художественных проекциях эпохи 1930-х гг.

Две другие главы посвящены погружению смысловой конструкции автора в эмпирику советской повседневности 1930-х гг. В нем структурируются жизнедеятельность инженерного корпуса: образы, смыслы, нормы и образцы, определявшие социальные статусы, их профессиональное поведение (практики в «мире профессий»), а также то, что придавало материально-вещественное подкрепление статусным позициям («мир вещей и денег»), то есть ресурсное обеспечение. Проведенный во второй главе анализ позволил автору сделать вывод о «принадлежности советских инженеров во второй половине 1930-х гг. к среднему классу» (автореферат, с. 20). Третья глава содержит погружение в биографику, в которой рассматриваются три варианта восходящей социальной мобильности инженеров первых пятилеток, каждый из которых представлен карьерными траекториями выходцев из различных позднеимперских социальных страт, но добившихся высоких статусных позиций благодаря сочетанию возраста, образования, социально-профессиональной и политической активности и высокой адаптивности к менявшимся условиям. Данные главы играют ключевую, по сути, роль в воплощении принципов исследовательской программы, заявленной во Введении, и, по нашему мнению, своей цели диссертант достиг. Нами не выявлены признаки и черты несоответствия сформулированной цели и поставленных для ее решения задач.

То же относится и к обоснованию и реализации в тексте диссертации основных положений, вынесенных на защиту (всего их четыре) (рукопись, с. 17-18). В первых двух из них формулируются те концептуальные положения, которые образуют исследовательское поле (жизненный мир советских инженеров) и ядро его рассмотрения (структура и смысловое наполнение). Два других задают ориентиры и результаты эмпирического поиска и анализа тех черт и характеристик, которые делают авторскую реконструкцию весомой, зримой, доказательной. Одно из них обозначает авторскую позицию в вопросе о соотношении преемственности и разрывов в самосознании и социальных практиках применительно к инженерной корпорации 1930-х гг. в сравнении с нормами, ценностями и жизнедеятельностью инженеров предыдущей формации. Автор делает и обосновывает заключение о том, что разрыв был определяющим, а преемственность практически не прослеживается (рукопись, с. 32-33). Собственно, об этом свидетельствует и другое принципиальное авторское положение о наличии другого разрыва, не имевшего

место до революции: инженеры новой формации, имея безусловно высокий социальный статус, нежели рабочая масса, в повседневной практике активно применяли способы социальной мимикрии, подчеркивая «свою социальную связь с рабочим классом в одежде, манере общения, в выполнении партийных нагрузок» (автореферат, с. 14-15).

Заключение диссертации (рукопись, с. 153-155) содержит в сжатом виде подтверждение тех научных положений, которые выносились на защиту и составляли стержень рецензируемого труда. При этом в завершающей части своей работы Ю.С. Колчанова, предвосхищая в некоторой степени замечания рецензентов, указала на перспективы дальнейшего исследования своей темы, с чем следует согласиться.

Достоверность полученных результатов обеспечена путем оптимального сочетания в исследовании количественных (формирование достаточной для целей исследования источниковой базы) и качественных (адекватное использование научного инструментария) показателей. Говоря о *научной новизне* диссертации Ю.С. Колчановой следует обратить внимание на то, что ею самой определены наиболее существенные ее черты (новизна постановки проблемы, использованный в ходе ее раскрытия инструментарий и результаты, показывающие черты социализации, механизмы адаптации и структуру и особенности жизненного мира инженеров оборонных заводов 1930-х гг.). Ознакомление с рукописью диссертации подтверждает оригинальность и самостоятельность работы в заявленных компонентах. Особое внимание с позиций оценки новизны исследования вызывает привлечение в качестве базового корпуса источников документы и материалы архивно-следственных дел (АСД). Здесь автор, на наш взгляд, демонстрирует высокий уровень профессиональной исследовательской культуры в методах анализа столь сложного комплекса разноплановых источников и произведенных на этой основе реконструкциях жизненных траекторий героев своего повествования (глава 3, с. 105-152).

Практическая значимость полученных результатов, или их применимость лежит, по нашему мнению, прежде всего в сфере разработки и совершенствования современной государственной научно-технической образовательной и социальной политики (поддержка и восстановления ценности инженерного труда, престижа и репутации инженерной профессии), на что справедливо указывает сам диссертант (автореферат, с. 15).

Переходя к *критической части отзыва*, отметим, что часть наших замечаний носит дискуссионный характер, объясняемый сложностью предмета изучения и неоднозначностью трактовок тех или иных исторических событий и процессов в литературе. Прежде всего, в работе присутствует ряд достаточно спорных характеристик и квалификаций связанных с тем, что можно назвать, по аналогии с базовым понятием диссертации, «Большим миром», то есть оценками советской политической, социальной, социокультурной систем. Обратимся к фразе, с которой начинается исследование: «Советское общество в сталинский период, несмотря на всю свою противоречивость, являлось обществом modernity. Главным содержанием

эпохи были явления и процессы, обусловленные форсированной индустриализацией, характер и облик которой задавал тон всему предвоенному десятилетию» (рукопись, с. 3). Данная системная характеристика дается без перевода и на языке оригинала. Не углубляясь в дискуссию о допустимости ее применения к отечественному обществу 1930-х – начала 1950-х гг., которая ведется несколько последних лет между сторонниками данной точки зрения (М. Дэвид-Фокс, Д. Хоффман и др.), сторонниками концепции неоградиционализма (А. Гетти и др.) и российскими и зарубежными исследователями, рассматривающими историческую динамику России XX в. сквозь призму концепции воспроизводства архаики, рефеодализации (В. Ачкасов, Д. Лестер, В. Шляпентох и др.), отметим только, что по таким определяющим уровень и качество общества конца 1930-х гг. структурным показателям, как доля городского населения в общей численности (не более 1/3), как распределение групп населения по сферам занятости, где доля традиционных отраслей (сельское и лесное хозяйство, промыслы и т. д.) составляла около 70%, где социальная структура имела свою теневую сторону, отягощенную маргинальными группами, в т. ч. т.н. спецконтингентом, численность которых удваивалась каждое пятилетие на протяжении 1930-х – 1940-х гг., позиция диссертанта представляется весьма спорной. Рассматривать отдельные атрибуты системы, выдавая их за системообразующие характеристики – не самый лучший способ аргументации («стахановцы» карательных органов тоже получали награды и премировались автомобилями, патефонами, фотоаппаратами, создавали посредством принудительного труда мощные производственные комплексы, организовывали т. н. соцсоревнование между лагерными управлениями).

Описывать социоструктурную динамику 1930-х гг. в категориях классов, наделяя инженерную страту признаками среднего класса (автореферат, с.20) также представляется спорным. Есть достаточно, на наш взгляд, обоснованный подход к рассмотрению советского, а также и постсоветского общества как сословного в своей основе; то же относится и к характеристике системы власти (С. Кордонский). Рассматривая биограммы своих героев в контексте масштабной восходящей социальной мобильности, существовавшей в раннесталинскую эпоху, диссертант словно дистанцируется на время от другой функции избыточной социальной мобильности, когда т. н. социальный лифт имел ход «вверх - вниз», а «дивный новый мир» (по О. Хаксли) в советском варианте имел свое «дно» и подвалы и где никто не был гарантирован от арестов, конфискации имущества, допросов и квазисудебных приговоров. Основу собственно реконструкции действительности 1930-х гг. диссертант делает на документации архивно-следственных дел (АСД). Даже если принять во внимание заявление автора о том, что ценности и представления инженеров новой формации 1930-х гг. «были частью формирующейся советской культуры *modernity*» (рукопись, с. 33), то тем более отчетливо выявляется, насколько хрупкими и уязвимыми оказывались и сами культурные новации и их носители.

Если говорить о конструкциях и ценностях «Большого мира», которые хотелось бы видеть в более глубоком отражении в диссертационном исследовании, то речь идет о природе, функциях и ценностях инженерного труда как

разновидности труда интеллектуального, но не только. Каким был инженерный труд с точки зрения общей классификации, имевшей широкую градацию форм – от свободного до принудительного, включая сюда труд обязательный, служебный и т. д. ? Ведь по своей сути труд инженеров на оборонных предприятиях носил режимный характер, а сами они являлись «режимными людьми». Другое замечание касается рассмотрения форм и динамики социально-трудовых отношений на производстве в раннесоветском обществе, к которому, по нашему мнению, относились хронологически и 1930-е годы. Речь, в т. ч., идет и о степени социальной напряженности и конфликтах в трудовых коллективах, формы и уровень которых, равно как и механизмы их разрешения, без сомнения влияли на жизнедеятельность инженерной корпорации в годы второй пятилетки.

В центре внимания автора находятся инженеры, занимающие достаточно высокое должностное положение (не только три основных «фигуранта» АСД, но и другие, чьи «показания» используются). Насколько правомерно экстраполировать сделанные выводы и оценки на генерацию «сталинских инженеров» этого времени? Даже по размеру заработной платы и соответственно уровню благосостояния имелось множество различий в зависимости от должности, места работы - управление или производство, «великая стройка» пятилетки или рядовое предприятие, от разных отраслей промышленности (транспорта), места жительства (провинция – Центр) и т. д.

Историографический обзор выполнен с некоторой неполнотой. Отечественная историография истории интеллигенции заслуживает большего внимания и позитивного отношения к ней, особенно к тем исследователям-шестидесятникам, которые уже в позднесоветский и, особенно, в постсоветский периоды активно работали над переосмыслением формирования и трансформации интеллигенции в советскую эпоху (С.А. Федюкин, М.Е. Главацкий, В.Л. Соскин, В.С. Волков и др.). Современная историографическая ситуация и ее состояние достаточно отчетливо прослеживается в публикациях журнала «Интеллигенция и мир», о которых диссертант не упоминает. Следовало обозначить и тенденции в современном изучении истории советской оборонной промышленности. Что касается генеральной классификации источников, то автор воспроизводит здесь совершенно архаичное клише, деля их на «опубликованные и неопубликованные» (рукопись, с. 11). Не вполне обозначены значение, информационный потенциал и методы анализа таких привлекаемых в работе групп источников, как периодика, документация партийных органов различных уровней. Количество аббревиатур и сокращений, встречающихся в тексте достаточно весомое для того, чтобы сформировать на этой основе список сокращений.

Данные замечания в большинстве своем носят рекомендательный характер для дальнейшей работы диссертанта над этой темой и не влияют на положительные оценки качества рукописи, которые сделаны нами выше. Работа Ю.С. Колчановой написана профессиональным научным языком, текст автореферата полностью соответствует основному содержанию диссертации. Основные положения и

выводы проведенного автором исследования отражены в девяти научных публикациях, в т. ч. четыре из них опубликованы в журналах из перечня ВАК.

Исходя из содержания текста диссертации, автореферата и выполненных публикаций работа Ю.С. Колчановой соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями от 21 апреля 2016 г. № 335), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Работа является оригинальным диссертационным исследованием, в котором содержится решение научной задачи реконструкции норм, практик и ценностей советского инженерства 1930-х гг., имеющей значение для дальнейшего развития теории и истории повседневности, и ее автор – Колчанова Юлия Сергеевна – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Ведущий научный сотрудник сектора истории

социально-экономического развития

Федерального государственного бюджетного

учреждения науки Института истории Сибирского отделения

Российской академии наук, доктор исторических наук

(07.00.02 – Отечественная история),

профессор

Красильников Сергей Александрович

Против включения моих персональных данных в документы, связанные с рассмотрением диссертации Ю. С. Колчановой, не возражаю.

28 апреля 2018 г.

Сведения об организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8

Телефон: (383) 330-13-49

E-mail: director@history.nsc.ru

сайт: www.history.nsc.ru

